

3. Чистка Узбекистана

Статистика доказанных преступлений в Узбекистане не соответствует количеству арестов. Начиная с 1983 г. Узбекистан подвергся массовой атаке Прокуратуры СССР, КГБ СССР и МВД СССР. По утверждению Т.Гдляна: «За четыре года, с июня 1984 по сентябрь 1988, в многострадальном Узбекистане смещены 58 тысяч ответственных работников»¹⁰.

Конечно, такие масштабы разоблачений не могут свидетельствовать о том, что Узбекистан опережал остальные республики по уровню коррупции.

В марте 1985 г. был арестован начальник Бухарского УВД Норов и замминистра Узбекистана Кахраманов. Окрыленные успехом следователи надеялись выйти на уровень ЦК республиканской компартии. На место арестованных чиновников приходили «еще не разоблаченные» работники, главной задачей которых оставалось выживание в условиях продолжавшейся чистки. Они оказывали следствию осторожное сопротивление. По словам Т.Гдляна и Н.Иванова: «Когда наша следственная группа прибыла в Ташкент, местные чекисты располагали множеством такой информации. Нам дали возможность прослушать фрагменты звукозаписи телефонных разговоров обвиняемых, познакомиться с документами по результатам наружного наблюдения, просмотреть обобщенные данные по агентурным наблюдениям... Сотрудники местного КГБ позднее рассказывали, что большую часть информации уничтожили, было сожжено более 70 томов. Некоторые документы искажались и переписывались заново. Офицеры, которые еще вчера показывали нам интересующие следствие материалы, на все просьбы виновато опускали глаза: “Извините, у нас ничего нет”»¹¹. По утверждению Т.Гдляна, подследственный Музаффаров сообщил, что ему стало известно о подготовке покушения на руководителя группы в случае, если будет арестован бывший министр внутренних дел Эргашев¹².

Заблокировать расследование можно было также путем уничтожения обвиняемых-свидетелей. И союзная прокуратура, и местные власти затягивали арест руководителей, обвиняемых группой Гдляна, информируя их о печальной перспективе. В 1984—1985 гг. в республике произошла волна самоубийств. Бывший министр внутренних дел Узбекистана К.Эргашев, снятый с должности в 1983 г., застрелился еще в августе 1984 г., написав в предсмертном письме: «Я, абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой»¹³. Первый секретарь Кашкадарьинского обкома КПСС Р.Гаипов нанес себе 13 ножевых ранений, после того как ему стало известно о предстоящем аресте¹⁴. Другой жертвой стал министр внутренних дел Узбекистана Г.Давыдов. По утверждению Т.Гдляна, «в ходе следствия были установлены факты получения Давыдовым в 1980—1983 гг. взятки... О корыстных злоупотреблениях Давыдова было информировано

руководство МВД СССР, в связи с чем 15 апреля 1985 года он подал рапорт об увольнении. 24 апреля 1985 года он был помещен в госпиталь МВД УзССР для обследования состояния его здоровья. 11 мая 1985 года приказом МВД СССР № 152 л/с Давыдов был уволен из органов внутренних дел. 17 мая 1985 года в ночное время в палате № 80 госпиталя Давыдов покончил жизнь самоубийством, произведя три выстрела в голову из пистолета. На решимость Давыдова покончить жизнь самоубийством, очевидно, повлияла целая серия самоубийств избалованных во взяточничестве должностных лиц республики и одобрительная реакция на это других руководящих работников, поскольку эти трагические кончины обрывали ниточки, ведущие наверх»¹⁵.

После Давыдова осталось предсмертное письмо, в котором его автор писал: «Горько и обидно, что неожиданно предложили уйти на пенсию и сделано это в столь бесцеремонной, и даже грубой форме. Сейчас, по-моему, стало легче обогатить ответственного работника, чем когда-либо, запачкают грязью, а потом отмывайся. И мне кажется, что кто-то хочет оклеветать меня, взвалив на мои плечи грехи прежних руководителей, очернить безупречную работу в МВД в течение 16,5 лет. Ухожу честным работником МВД, коммунистом, генералом, отцом... Я вынужден сам принять крайнюю меру к сохранению своей чести и достоинства. А перед этим не лгут»¹⁶. Конечно, только очень наивный человек может поверить, что грубая форма увольнения на пенсию могла заставить генерала покончить с собой.

Несмотря на то что большинство самоубийц очень трудно отнести к невинным жертвам, нельзя отрицать и «жестких» методов ведения следствия в качестве фактора, способствовавшего самоубийствам. Как мы увидим, самоубийством кончали не только высокопоставленные чиновники, попавшие в машину расследования.

Впрочем, с некоторыми самоубийцами следователи так и не успели встретиться. Их доводили до самоубийства местные «доброжелатели». После того как осенью 1985 г. вслед за передачей информации о следствии республиканскому ЦК покончил с собой руководитель Джизакского УВД Я.Нарбеков, группа Гдляна получила право не предоставлять узбекским властям никакой информации. Т.Гдлян и Н.Иванов считают, что за счет этих ограничений «удалось спасти жизни нескольким функционерам»¹⁷.

По мнению Т.Гдляна и Н.Иванова, волна самоубийств спала тогда, когда после гибели Гаипова следствие привлекло к ответственности его родственников, проигнорировав существовавшую ранее традицию — «оставлять в покое» капиталы семьи после смерти ее главы¹⁸. Самоубийства сделались бессмысленными. Был «создан опасный для коррумпированной власти прецедент: оказывается, и добровольный уход из жизни сановного мздоимца не является индульгенцией, не освобождает от ответственности соучастников-наследников, не гарантирует сохранности наворованных миллионов»¹⁹. Однако членов семей обвиняемых задерживали и ранее, что показала проверка 1989—1990 гг.

Группа Гдляна привлекла к уголовной ответственности 62 человека, из которых осужден был только 31 человек. Однако арестовано было около

200 граждан, в отношении которых потом уголовное дело не заводилось, и вина не доказывалась²⁰. Группа работала с меньшим размахом, чем организации «хлопкового дела», но проверка, проводившаяся в 1989—1990 гг. — вскрыла немало нарушений закона. Некоторые из «задержанных» провели в заключении до девяти месяцев. Это пребывание в тюрьме лиц, которые не знали, являются они обвиняемыми или свидетелями, не только противоречило закону, но и позволяло «ломать» людей, добиваться от них нужных показаний, шантажируя угрозой уголовного преследования. Человек, арестованный без предъявления обвинения, находился в полной зависимости от следователей. В случае, если следователи получали от них «нужные» показания либо убеждались в том, что здесь только потеряют время, протоколы допросов могли уничтожаться. Вплоть до 1990 г. большинство из этих людей считало себя обвиняемыми²¹. По материалам проверки 1989—1990 гг., некоторые из них после избиений покончили с собой²².

Рассказывая о жестоких методах следствия, практикуемых в группе Гдяна, В.Ильяхин замечает: «Конечно, мне могут возразить, сослаться на то, что к показаниям этих лиц (подследственных и “вынужденных свидетелей”) надо относиться критически. Все это так. Поэтому мы ими не ограничились. Нами был допрошен следователь гдяновской группы Шамсутдинов, который заявил, что он был очевидцем нанесения ударов и плевка в лицо Бурханову следователем Карташяном». Факты издевательств подтвердил и следователь В.Шароевский²³. Факты избиений подтверждаются и данными тюремных информаторов, которые были изъяты из дела Гдяном²⁴. По данным проверки, следователи часто изымали из материалов дела документы, противоречащие версии следователей²⁵.

Когда «продиктованные» следствием показания очевидно расходились с реальностью, они оперативно пересматривались. Так, по схеме Гдяна, подполковник милиции Очилов должен был давать взятку первому секретарю Кашкадарьинского обкома Гаипову. После того, как Гдян показал ему постановление на арест отца и сына, Очилов согласился дать любые показания. Но при допросе Очилова следователем Ковеленовым выяснилось, что Очилов, «передававший взятку» ко дню рождения Гаипова, не знает, когда тот родился. Пришлось идти к Гдяну. По воспоминаниям Очилова: «Гдян в присутствии нас позвонил управляющему хозяйственной частью ЦК КП Узбекистана и у него узнал дату рождения Гаипова». По воспоминаниям следователя Ковеленова: «Когда я стал выяснять у Очилова дату рождения Гаипова, то он ее не знал, и я не знал. Тура постоянно говорил мне, что давал показания под диктовку Гдяна и Иванова. Тогда я и Очилов пошли к Гдяну, который в присутствии нас позвонил в ЦК КП Узбекистана, выяснил дату рождения Гаипова и сообщил мне»²⁶.

Происходили и другие «сбои». После очередного допроса 24 мая 1985 г. М.Барнаев был доставлен в больницу с множественными кровоподтеками, рвотой и головными болями. Он заявил, что был избит следователями. Факт избиения был установлен и прокурорской проверкой. Но уже в июне дело об избиении перешло в руки союзной прокуратуры, а затем — к Гдяну. В итоге Барнаев был арестован и после соответствующей обработки «признал-

ся», что был избит своим дядей, в передаче взятки которому и обвинялся. В 1990 г. Барнаев был реабилитирован²⁷.

Комментируя эти факты, следователь В.Илюхин, заявляет: «После того что мы выявили в делах Гдяна, хочется спросить его защитников, так рьяно оправдывавших творившееся беззаконие ссылкой на поговорку — “Лес рубят — щепки летят”: где здесь лес, а где щепки?.. Рубили невиновных, они оказывались “лесом”, а щепками были преступники. Это ли не репрессии, которые сродни произволу 30-х гг.?.. Это был страшный психологический и физический пресс на арестованных, на задержанных. Прибегая к нему, как и в 30-е годы, заставляли родителей “изобличать” своих детей, а тех, наоборот, родителей. И делалось это вопреки существующему запрету на принуждение к даче показаний... Как и в 30-е годы, людям, измороженным в следственных камерах, сломленным психологически, потерявшим всякую сопротивляемость к обману и готовым пойти на любой оговор, подсовывали списки должностных лиц и требовали подписать на них ложные показания о даче взятки», — утверждает В.Илюхин²⁸.

Уместно в этой связи привести мнение Н.Иванова о некоторых следователях: «Нередко они перерождаются в этаких бездушных роботов, судьба проходящих по делу людей им совершенно безразлична, они заранее предрешены против них, как против отверженных, не считают порой за грех обидеть, унижить, обмануть их, упиваясь при этом всей властью»²⁹. По утверждению Ю.Чурбанова, к нему применялись изматывающие «допросы-марафоны» и серьезные угрозы: «Как-то раз Гдян, который был сильно возбужден, бросил такую фразу: “Если бы Вы не заговорили сразу, не дали бы показаний, я не знаю, что бы я с вами сделал”. Гдян обещал отправить меня в Бутырку, к гомосексуалистам»³⁰. Известно, что такие методы воздействия на подследственного действительно применялись карательными органами СССР. Так что, если угроза следователя действительно имела место, она не была пустым звуком. Сами следователи категорически отрицают применение ими незаконных методов следствия, но нарисованная Н.Ивановым картина взаимоотношений с подследственными выглядит весьма наивно: «Вместо того чтобы, сухо кивнув, брякнуть: “Садитесь, гражданин такой-то” — и тут же приступить к допросу, а именно к такому формальному обращению человек привык за эти месяцы, я встречаю его стоя, выхожу из-за стола, здороваюсь за руку, предлагаю ему стул, обращаюсь только по имени-отчеству. Потом мы пьем зеленый чай с заменяющими сахар очень дешевыми, но приятными на вкус восточными сладостями, я расспрашиваю его о здоровье, выслушиваю просьбы и либо обещаю их выполнить и выполняю, либо отказываю, но никогда не стану обманывать. Он и так видел много неправды в жизни, привык к продажной юстиции и теперь должен убедиться, что встретился с людьми, которые держат слово... Раз за разом отношения становятся все более человеческими, доверительными, и наступает момент, когда подследственному становится неудобно, неловко лгать и выдумывать небылицы. Он уже убедился, что в нем видят человека, не мстят ему, пытаются установить истину, что его откровенность, наконец, не будет отягчать его ответственность»³¹. Можно просле-

зиться. Но верится с трудом. Во всяком случае Гдлян и Иванов, по собственному признанию, “посягнули” на “сомнительные принципы «социалистической законности»”³².

«Создание» доказательств осуществлялось и благодаря правовой неграмотности подозреваемых. Попав в машину расследования, они соглашались «вернуть» средства, хищение которых им вменялось в вину, и часто собирали необходимые деньги, наивно рассчитывая, что после этого к ним не будет претензий. Вполне вероятно, что в сборе средств для таких людей принимали участие и ключевые фигуры «мафии», направляя удар в другую сторону.

«Сбор средств» принимал поистине массовые масштабы. По свидетельству К.Майданюка, «установились и правила конъюнктурной игры: вы — “добывайте”, а мы не видим ваших своеволий. Обычно начиналось с того, что обвиняемого “уговаривали” написать доверенному лицу записку: дескать, выдай. Ехали без обвиняемого — побыстрее бы! А им: “Нет у меня денег, уважаемые...” Как это нет? Перепрятал? Задерживают по подозрению в укрывательстве, вытягивают душу. Наконец, вступают в торг: мы тебя отпустим, а ты принеси... Хуже того, вызывают родственников задержанного, и тот сам ведет с ними переговоры. Приносили. Но уже не скажешь — то ли действительно из тайника, то ли собрали с протянутой рукой»³³.

Всего группа Гдльяна «вернула государству» 27 982 153 рубля 10 копеек³⁴. Часть этих средств была унаследована от дел, которые Гдлян принимал от других групп. Изымавшиеся группой Гдльяна средства описывались и хранились крайне небрежно, так что далеко не всегда можно было установить их происхождение. Некоторые вещественные доказательства исчезали. Это позволяло заподозрить следователей группы Гдльяна в злоупотреблениях, но прекращение «антигдльяновского» расследования в 1990 г. не дало возможность выяснить, присваивали ли они средства³⁵. Обвиняемые Гдлянном лица позднее выдвигали против него встречные обвинения в вымогательстве взятки, но следователи, занимавшиеся деятельностью группы Гдльяна, не применяли его методов, и эти обвинения остались лишь версией³⁶.

Естественно, что методы расследования, применяемые «органами» в Средней Азии оставались традиционными — не соответствовавшими мировым правовым стандартам. Характерно, что когда в 1988 г. дело дошло до суда, значительная часть доказательств обвинения уже «не работала», так как в жизнь общества стали постепенно входить новые правовые нормы. Почувствовав это, некоторые обвиняемые смогли смягчить удар или вовсе выйти из-под него. Ю.Чурбанов, которому повезло меньше, говорит об этом: «Умнее всех нас повел себя Хайдар Халикович Яхьяев (бывший министр внутренних дел Узбекистана, арестованный в августе 1985 г. — *А.Ш.*), бывший министр Узбекистана. Он просто обманул всех следователей, провел их, как мальчишек. И сам рассказал об этом в Верховном суде СССР. Яхьяев сначала сделал все, что от него требовали следователи, то есть “топил людей” как только мог, все признавал, а потом дождался суда, отрекся от своих показаний и сам рассказал на суде о преступных методах ведения следствия группой Гдльяна и Иванова. Он говорил, что следователи

торговались с ним, в том числе и за показания против меня... И вот все это Яхьяев рассказал на суде. И чем кончилось? Яхьяева освободили. Он был отпущен из зала суда под аплодисменты и сейчас он на свободе»³⁷.

Провал в случае с Яхьяевым еще не означает, что системы коррупции в Узбекистане не существовало, и все обвиняемые оказались жертвами «заговора следствия». Повторить успех Яхьяева в полном объеме удалось немногим, но отвести часть обвинений смогли почти все. Это подтверждало не только низкое качество работы следователей, но и то, что они ориентировались на стандарты другой эпохи, когда подозреваемый был обречен и априори считался виновным.

Иногда информация о «крутых» методах работы команды Гдляна приводила к неприятностям. Так, в декабре 1985 г. Гдлян на короткое время был отстранен от следствия. Однако вскоре руководство решило, что надо продолжать использовать его на прежнем месте.

Несмотря на существование собственных интересов у следственного аппарата, он в условиях 1983—1985 гг. был не волен самостоятельно определять масштабы репрессий. Непосредственное руководство «органами» сохраняли за собой центральные партийные структуры. Они давали «добро» на аресты высокопоставленных чиновников и регулировали масштабы чисток. В 1985 г. перед командой Горбачева стояла задача добиться пропагандистского успеха, удовлетворить «пуритан» и поставить среднеазиатские республики под полный контроль. В целом это удалось — на несколько лет кадры, пришедшие на место репрессированных, станут наиболее преданной опорой Горбачева на разнообразных конференциях и съездах. Подбор кандидатур на место арестованных чиновников осуществлялся новым руководством. При этом каждый из среднеазиатских чиновников (и не только узбекских, так как чистки прокатились и по другим республикам) знал, что он связан с теми, кто уже сел. До 1988 г. именно руководство КПСС решало — «раскручивать» дело дальше, или нет.

Укрепилось и положение Горбачева в высшем руководстве. Консервативные кадры побаивались перечить новому лидеру, опасаясь расширения чисток на центральные районы страны. Но в то же время они видели, что Горбачев отводит активность «пуритан» от центрального аппарата. Сами «пуритане» также были солидарны с Горбачевым в том, что в центре репрессии должны носить скорее пропагандистский характер и не дезорганизовывать работу.

Высшие руководящие кадры, выдвинувшиеся в ходе чисток, должны были сохранять спокойствие. Эту линию разделяло не все руководство КПСС, среди «пуритан» стали выделяться радикалы, требовавшие продолжения чистки. Выступая в Ташкенте, секретарь ЦК Б.Ельцин заявил: «Работа, которую проводит республиканская партийная организация, чтобы в корне оздоровить обстановку, находится еще в самом начале пути»³⁸. В Узбекистане сотрудники местного КГБ передали Ельцину «компромат» на первого секретаря Усманходжаева. Ельцин решил вмешаться в борьбу узбекских кланов и повести атаку на Усманходжаева: «Прилетев в Москву, я внимательно изучил все документы, которые мне передали, и пошел к Гор-

бачеву. Я достаточно подробно рассказал ему обо всем, что удалось узнать, в заключение сказал, что необходимо немедленно принять решительные меры. И главное, надо решать вопрос с Усманходжаевым. Вдруг Горбачев рассердился и сказал, что я совершенно ни в чем не разобрался, Усманходжаев — честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, а старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами. Я говорю, Михаил Сергеевич, я только что оттуда, Усманходжаев прекрасно вписался в рашидовскую систему и отлично наживаете с помощью даже и не им созданной структуры. Горбачев ответил, что я введен в заблуждение, и вообще за Усманходжаева ручается Егор Кузьмич Лигачев»³⁹. Горбачев, конечно, имел представление о сохранении рашидовской системы и после первой волны чистки — высшее руководство в этот период непосредственно направляло работу группы Гдяна, «копавшую» под узбекистанский ЦК. Но Генсек понимал, что в условиях обусловленности коррупции общественным порядком, когда к ней в той или иной степени причастны все руководители (при этом они могут и не являться коррупционерами сами), обвинения носят произвольный характер — обвинить можно любого. Партийные лидеры, пришедшие к власти в Узбекистане на волне чистки, как казалось Горбачеву, замешаны в коррупции в меньшей степени. Но они могли обеспечить управляемость республики. Если бы Узбекистан захлестнула новая волна чисток, эту управляемость можно было бы и потерять. Поэтому Горбачев счел за лучшее осадить радикала Ельцина, сохранив за собой монополию на решение судьбы узбекских руководителей. Впрочем, этот конфликт лишь укрепил Горбачева в мысли о необходимости назначить Ельцина первым секретарем Московской парторганизации. Москву тоже планировалось основательно «почистить».

Так была ли в Узбекистане развита коррупция? Этого не отрицают и оппоненты Гдяна и других следователей, действовавших в республике. Коррупция и мафия в Узбекистане (как и в других республиках СССР) была широко развита, но насколько — этого сказать уже нельзя. Обвинения, даже признанные судами, сегодня признать доказанными трудно из-за неправовых методов следствия — также как и обвинения сталинской юстиции (что не исключает признания того факта, что в стране действительно было много людей, недовольных сталинской политикой). Структура мафии, видимо, существенно отличалась от той картины, которая была нарисована Гдяном и Ивановым. Пока нет доказательств того, что в мафию входили все без исключения чиновники Узбекистана и что ЦК КПУ был именно «штабом мафии». С одной стороны, часть чиновников могла не участвовать в прямых махинациях и просто смотрела на нарушения закона коллегами сквозь пальцы. С другой — в «штаб мафии» могли входить и люди, непосредственно не состоявшие в головке компартии.

А.Гуров, исследовавший криминальную ситуацию в столице Узбекистана, писал: «Город Ташкент, например, был поделен на четыре зоны, в каждой из которых властвовал местный “авторитет”. В органах милиции действовали представители мафии, работавшие там даже без оформления личных дел. Это они выбрасывали из окон тюрьмы свидетелей, которые начинали

давать показания... Гдлян вовсе не занимался лидерами уголовной среды, у которых на крючке сидели коррумпированные чиновники. Видимо, перед Гдлянм стояла другая задача — прощупать зарвавшихся секретарей райкомов и обкомов, что и получилось, благо разрешение “на отстрел” было... так что Гдлян прошел мимо настоящей мафии. Он извлекал ценности и задерживал подозреваемых, которых потом, как мы знаем, освободили, а против него самого в Узбекистане хотели возбудить уголовное дело по причине сомнительных методов следствия»⁴⁰.

Однако у руководства страны и широкой общественности сомнения в законности действий советских следователей возникнут лишь через несколько лет. А пока в ЦК КПСС считали, что «процесс находится под контролем» и готовились вывести «узбекское дело» на московский уровень, санкционировав начало «разработки» зятя Брежнева Ю.Чурбанова.

Важнейшим результатом расследований 1983—1985 гг. стало выявление гигантских изъятий средств из казны. Между тем расследования 1985—1989 гг. не привели к возвращению этих средств государству. По справедливому замечанию Л.Тимофеева, «если посчитать, сколько потрачено на личное потребление всеми без малого тридцатью тысячами по “хлопковым делам” и их семьями... то сложится сравнительно небольшая сумма, всего несколько десятков миллионов. Но похищено-то несколько миллиардов! Где же остальное?... Между тем похищенные деньги и впрямь исчезли, таинственно канули»⁴¹. Эта денежная масса растеклась по телу номенклатуры в ожидании перемен, которые позволят «обналичить» то, что удалось эвакуировать из Узбекистана и накопить в других республиках, где масштабы коррупции были не меньше. Бюрократия тоже ждала перемен.

Примечания

1. Преступность в СССР. М., 1990. С. 74—76.
2. Преступность и правонарушения в СССР. М. 1990. С. 68—70.
3. Арих Л. Извоз // Комсомольская правда. 17.05.1985.
4. Горбачев М. Указ. соч. С. 220.
5. Преступность и правонарушения... С. 70-73.
6. Наше дело. № 3. 1990. С. 8.
7. Там же.
8. Сушков В. Заключенный по кличке «министр». М., 1995. С. 4-5, 15—16.
9. Там же. С. 22-23.
10. Гдлян Т., Додолев Е. Пирамида—1. С. 39.
11. Гдлян Т., Иванов Н. Кремлевское дело. С. 25.
12. Там же. С. 136.
13. Там же. С. 162.
14. Преступность и правонарушения. С. 199.
15. Там же. С. 19.
16. Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 129—130.
17. Гдлян Т., Иванов Н. Указ. соч. С. 187.

18. Там же. С. 187—188.
19. Там же. С. 190.
20. Ильюхин В. Вожди и оборотни. Прерванное расследование. М., 1994. С. 23.
21. Там же. С. 24.
22. Там же. С. 38, 76.
23. Там же.
24. Там же. С. 89.
25. Там же. С. 92.
26. Цит. по: Ильюхин В. Указ. соч. С. 48.
27. Там же. С. 95.
28. Там же. С. 24-25, 47.
29. Иванов Н. Следователь из провинции. С. 82.
30. Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 125.
31. Иванов Н. Указ. соч. С. 82-84.
32. Гдлян Т., Иванов. Н. Указ. соч. С. 191.
33. Известия. 23.3.1990.
34. Ильюхин В. Указ. соч. С. 128.
35. Там же. С. 128—135.
36. Там же. С. 145—147.
37. Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 137.
38. Правда. 15.12.85.
39. Ельцин Б. Указ. соч. С. 78.
40. Гуров А. Указ. соч. С. 205.
41. Тимофеев Л. Указ. соч. С. 57.